

Заключеніе автора.

Милыя дамы! Ради вашего удовольствія и утѣшенія, я предпринялъ этотъ продолжительный трудъ и за то ваши молитвы и божественное Провидѣніе скорѣе, чѣмъ мои скромныя заслуги, дали мнѣ силу довести мою работу до желанной цѣли и исполнить то, что я обѣщаль вамъ въ началѣ. Воздавъ поэтому сперва благодареніе Богу, а затѣмъ вамъ, дорогія дамы, я хочу дать отдохнуть моему перу и усталой рукѣ.

Но предварительно, зная напередъ про упреки, которые могутъ послать по моему адресу, я хочу сказать нѣсколько словъ по поводу моей книги.

Я знаю, что мои новеллы не могутъ пользоваться большей неприкосновенностью, чѣмъ всякое другое произведеніе, и склоненъ даже думать обратное, о чемъ ужъ имѣлъ случай высказаться въ началѣ четвертаго дня.

Многія изъ васъ, быть можетъ, скажутъ, что эти новеллы написаны слишкомъ свободно и откровенно, ибо заставили дамъ говорить и еще чаще выслушивать вещи, которыхъ порядочной женщинѣ не принято ни рассказывать, ни слушать. Прежде всего, я отрицаю такой взглядъ, ибо нахожу, что нѣтъ ничего такого неприличнаго, что не могло бы быть представлено приличнымъ образомъ: этого, мнѣ кажется, я и достигъ. Но предположимъ, что я неправъ, я вовсе не хочу съ вами спорить, ибо знаю, что буду побѣжденъ, я хотѣлъ бы только изложить вамъ свой отвѣтъ.

Если въ моихъ новеллахъ есть нѣкоторыя мѣста, которыя могутъ заставить покраснѣть дѣломудріе, то этого требовалъ характеръ самихъ рассказовъ, и всякій благоразумный человѣкъ, критикуя ихъ безпристрастно, согласится, что не было возможности придать имъ другую форму и изложить инымъ способомъ, не нарушая ихъ сути. Нѣкоторыя веселыя словечки и выраженія, которыя ханжи, болѣе строгія на словахъ, чѣмъ на дѣлѣ, и дорожашія наружной оболочкой, болѣе, чѣмъ

внутреннимъ содержаніемъ фактовъ, найдутъ неблагозвучными и пошлыми для своихъ цѣломудренныхъ ушей, развѣ они болѣе неприличны, чѣмъ другія, какъ напр., дыра, затычка, ступка, колбаса, которыя ежедневно говорятъ безъ разбора? И почему кисти художника даютъ больше свободы, чѣмъ перу поэта? Кто станетъ хулить нагія тѣла, капризы воображенія на полотнѣ? Никто, вѣдь, не упрекаетъ художника, изображающаго Михаила Архангела, разящаго змія копьемъ, или Георгія Побѣдоносца въ борьбѣ съ дракономъ, или Адама и Еву въ томъ видѣ, въ какомъ они были созданы Творцомъ.

Кромѣ того, эти новеллы не были рассказаны ни въ церкви, гдѣ все должно исходить изъ сердца и выражаться чистыми строгими словами, и ни въ школѣ для юношества, гдѣ должна царить строгость и чистота нравовъ, а въ саду, въ мѣстахъ увеселенія, среди молодыхъ людей, и въ такое время, когда каждый человѣкъ бѣжалъ безъ оглядки, чтобы спасти свою жизнь, забывая о приличіи.

Нельзя отрицать, конечно, что это произведеніе можетъ быть полезно или вредно, въ зависимости отъ натуры читателя. Кто не знаетъ, что вино, пріятный и полезный напитокъ, какъ, по крайней мѣрѣ, говорятъ свѣдущіе люди, очень пагубно для страдающихъ лихорадкой? А развѣ изъ этого слѣдуетъ, что оно вообще вредно? Огонь приноситъ собой повсюду разрушеніе и ужасъ, но развѣ мы станемъ отрицать его пользу? Оружіе является причиной смерти, но развѣ отсюда слѣдуетъ, что имъ не надо пользоваться? Оно, вѣдь, опасно не само по себѣ, а по злой волѣ тѣхъ, кто его носитъ. Такъ и слова, безразличныя сами по себѣ, могутъ стать порочными, благодаря тѣмъ, кто ихъ слышитъ, и слова, которыя кажутся самыми свободными, перестаютъ быть таковыми, попадая въ хорошо направленную душу, подобно тому, какъ грязь; покрывающая землю, не можетъ затмить блескъ солнца и скрыть красоту небесъ. Какая книга, какія изреченія болѣе святы чѣмъ; слова Божественнаго Писанія? А между тѣмъ развѣ не было людей, которые, плохо истолковывая его смыслъ, гибли сами и губили другихъ? Всякая вещь заключаетъ въ себѣ известную крупицу полезности, но эта частица можетъ быть заражена и превращена въ ядъ. Тоже самое и съ новеллами.

Кто захочетъ сдѣлать изъ нихъ дурное примѣненіе, тотъ можетъ извлечь отсюда опасныя совѣты и пагубныя примѣры, тотъ же, кто поступитъ, наоборотъ, также легко извлечетъ изъ нихъ пользу. Но, во всякомъ случаѣ, онѣ принесутъ хорошіе плоды, если ихъ будутъ читать въ надлежащемъ мѣстѣ, въ подходящее время, люди, для которыхъ онѣ написаны. Если кто предпочтетъ имъ молитвенникъ, тотъ поступитъ вполне разумно: онъ можетъ быть спокойнымъ и увѣреннымъ, что никто не побѣжитъ за нимъ и не заставитъ ихъ прочитать.

Иные ханжи, которые не смотря на строгость не прочь иногда поразвлечься, скажутъ мнѣ, быть можетъ, что нѣкоторыя новеллы лучше было бы вовсе исключить. Согласенъ, но я долженъ былъ писать все что было разсказано, а разсказчики исполнили свою задачу прекрасно, и если бы я что-нибудь измѣнилъ, то исказилъ бы красоту новеллы. Предположимъ даже, чего въ дѣйствительности нѣтъ, что я ихъ сочинилъ и написалъ, то и въ такомъ случаѣ я не стану красивѣе, если въ нихъ есть недостатки, потому что знаю, что никто кромѣ Бога не можетъ создать ничего совершеннаго. Карломанъ, создавшій паландиновъ, не могъ составить изъ нихъ цѣлой арміи. Во всѣхъ вещахъ имѣются лучшія и худшія стороны. Какъ бы хорошо ни была воздѣлана земля, она всегда среди

полезныхъ и цѣлительныхъ растений производить, также и вредные и паразитныя. Притомъ, имѣя въ виду бесѣдовать съ молодыми простыми женщинами, каковы, безъ сомнѣнія, мои читательницы, не глупо ли гоняться за изысканными сюжетами и заботиться объ особенно деликатныхъ выраженіяхъ?

Во всякомъ случаѣ тѣ, кто захочетъ читать мои новеллы, свободны въ выборѣ. Пусть возмутъ тѣ, которыя имъ нравятся, а остальные пропустятъ. Предъ каждымъ рассказомъ имѣется подробное заглавіе, по которому можно судить о содержаніи новеллы.

Пожалуй, скажутъ еще, что нѣкоторыя новеллы слишкомъ длинны. Повторяю еще разъ, что тѣмъ, которые могутъ занять свое время чѣмъ-нибудь другимъ, не имѣетъ смысла тратить его на ихъ чтеніе, даже если онѣ очень кратки. Хотя прошло уже не мало времени съ тѣхъ поръ, какъ я приступилъ къ этой книгѣ, однако, я еще не забылъ, что предназначилъ свой трудъ людямъ свободнымъ отъ занятій. Когда читаешь для времяпрепровожденія, то развѣ какое бы то ни было чтеніе можетъ показаться длиннымъ, разъ оно интересно? Краткія исторіи годятся для тѣхъ, кто работаетъ и учится и стремится, слѣдовательно, не къ тому, чтобы убить время, а чтобы употребить его съ пользою, васъ же, милыя дамы, не занятыхъ ничѣмъ, кромѣ какъ удовольствіями и любовью, не долженъ смущать размѣръ книги. Ни одна изъ васъ не училась ни въ Афинахъ, ни въ Болоньѣ, ни въ Парижѣ, и поэтому съ вами нужно бесѣдовать пространнѣе и толковѣе, чѣмъ съ тѣми, кто уже изощрилъ свой умъ въ наукѣ.

Найдутся, конечно, и такія, которыя мнѣ скажутъ, что въ моихъ разсказахъ слишкомъ много веселаго, комическаго элемента и что писать, такимъ образомъ, вовсе не приличествуетъ такому тяжеловѣстному и серьезному человѣку, какъ я. Долженъ отвѣтить такимъ дамамъ лишь благодарностью; въ нихъ говорить стремленіе поддержать мою репутацію писателя, тѣмъ не менѣе долженъ возразить имъ. Утверждаю, что во мнѣ есть, конечно, вѣсь и что меня неоднократно въ жизни взвѣшивали, но увѣряю тѣхъ, кто этого не дѣлалъ, что я лепокъ, такъ лепокъ, что держусь всегда на поверхности воды и никогда не погружаюсь на дно. Съ другой стороны я вспоминаю, что проповѣди нашихъ отцовъ церкви, то и дѣло уснащаются шутками и прибаутками. Если они позволяютъ себѣ это, то я и подавно могу не опасаться подражать имъ въ произведеніи, написанномъ для того, чтобы разогнать у женщинъ тоску. Во всякомъ случаѣ, если книга ихъ слишкомъ уже развеселитъ, то не трудно вѣдь заставить ихъ проливать слезы надъ плачемъ Іереміи, мученическими подвигами апостоловъ или покаяніемъ св. Магдалины.

Найдутся, безъ сомнѣнія, и такіе критики, которые скажутъ, что у меня злой язвительный языкъ, потому что я въ иныхъ мѣстахъ говорю правду о монахахъ. Охотно прощаю тѣмъ, кто мнѣ посылаетъ такіе упреки, потому что они имѣютъ на то свои личныя причины. Монахи на самомъ дѣлѣ хорошіе люди, они изъ любви къ Богу бѣгутъ отъ всякихъ трудовъ и заботъ и оказываютъ по секрету весьма важныя услуги дамамъ. Если бы они все не пахли бы немного псиной, ихъ услуги были бы куда пріятнѣе. Но я вѣрю въ то, что на землѣ нѣтъ ничего постоянного, что все находится здѣсь въ вѣчномъ движеніи, и языкъ мой могъ, конечно, подвергнуться общей участи, хотя одна изъ моихъ сосѣдокъ сказала мнѣ недавно, что у меня самый лучшій и пріятный языкъ на свѣтѣ. Но когда это случилось, почти все мои новеллы уже были написаны. Вотъ все, что я могу сказать по этому поводу.

IV 5206
Теперь я умолкаю. и пусть каждый говорить и думаетъ все, что ему угодно. Приношу мою смиренную благодарность Тому, Кто поддержалъ меня въ моемъ трудѣ и счастливо довелъ меня до желаннаго конца.

А вы, милыя дамы, живите мирно подъ сѣнью Божьей милости, и если чтеніе этихъ новеллъ можетъ быть для васъ приятно и полезно, то въ награду за это хочу лишь одного: жить въ вашей памяти.

